

профиль

01.12.2008

Дмитрий ХВОРОСТОВСКИЙ:

«Я реально оцениваю свои возможности»"

16 декабря в Кремлевском дворце состоится четвертый концерт из цикла «Дмитрий Хворостовский & friends». Выдающийся баритон представит московской публике мировую звезду оперной сцены Йонаса Кауфмана. О кризисе, музыке и кино «Профиль» побеседовал с Дмитрием Хворостовским накануне концерта. —

Дмитрий, злободневный вопрос: финансовый кризис вас затронул?

— Нет. Только один концерт отменился. Зарплаты у меня нет, я свободный художник, живу на гонорары.

— А бизнеса у вас никакого нет?

— Нет, я — артист и больше ничего не умею. Самые лучшие финансовые вложения — это вложения в недвижимость, она у меня есть.

— Вы неоднократно заявляли, что сцену лучше ни с кем не делить, и тем не менее создали цикл «Дмитрий Хворостовский & friends»...

— Ради такой идеи — пригласить в Россию моих великих оперных коллег, с которыми я работал и работаю, — можно сцену и поделить. 16 декабря я представлю московской публике немецкого тенора Йонаса Кауфмана. Вместе с Йонасом и Анной Нетребко мы пели «Травиату» в Ковент-Гардене. У Йонаса уникальный по красоте и тембру тенор — яркий, объемный, темного цвета, по звучанию он походит на баритон. Йонас и сам красивый парень, великолепный актер и потрясающий музыкант, человек необычайной скромности и высокого интеллекта. Он очень хорошо поет на итальянском языке, что редкость для певца немецкого происхождения.

— Какие произведения вы представите московской публике?

— Программа у нас еще в обсуждении, но я хотел бы показать большие оперные куски из «Дон Карлоса» и «Силы судьбы» Джузеппе Верди, «Искателей жемчуга» Жоржа Бизе. Чтобы все эти сцены получились, мы хотим привлечь и других певцов — должно быть очень интересно.

— На какой сцене петь, что петь и с кем, решаете вы и только вы?

— Каким бы ни было продюсерское давление, в конечном счете выбираю я.

Жесткие контракты я никогда не заключаю.

— **О такой независимости мечтает любой творец... Что для этого нужно?**

— Талант, знаете ли, батенька (смеется). Настоящий талант не требует локтей, находится много людей, которые ему помогают. Я пришел на мировую оперную сцену практически из ниоткуда — из Красноярска. Победил на одном конкурсе, потом на другом, пока не проснулся знаменитым после победы в телевизионном конкурсе Би-би-си «Певец мира» в Кардиффе. Буквально на следующий день я подписал контракт с Philips classics, и с тех пор они меня поддерживали и помогали во всем, выпустили более 20 моих альбомов, включающих как сольные программы, так и арии из опер. Вся моя жизнь протекает таким образом благодаря людям, которые меня окружают, и эти люди мне преданны, я их люблю и уважаю.

— **Насколько драматический талант важен для оперного певца?**

— Конечно, очень важен. В последнее время тенденция такова: люди устали просто слушать красивое пение. Им хочется увидеть актеров, которые умеют петь и к тому же прилично играют роль, что, в принципе, большая редкость. Оперное пение предполагает определенную статичность в связи с репертуаром. Если актера подвесить вверх ногами или он будет все время метаться по сцене, собьется дыхание, хотя бывают и такие режиссерские «находки». Но главное актерство заключается в другом. Лучано Паваротти был толстый и смешной, но когда он пел, люди забывали о его внешности, они были поражены его голосом и его проживанием роли.

— **Кризис среднего возраста вы на себе ощущаете?**

— Он у меня уже прошел. Или этот кризис совпал у меня с другими кризисами, или он у меня с рождения, поэтому ничего нового средний возраст для меня не открыл. Я чувствую себя моложе, чем в 20 лет, у меня больше энергии, я физически сильнее, я счастливее, я больше знаю и лучше понимаю жизнь, мне легче живется. А самоедством и философствованием я занимаюсь регулярно с тех пор, как себя помню.

— **Вы собой не довольны?**

— Нет, потому что я реально оцениваю свои возможности и свое место в жизни. Мое недовольство рождает определенный прогресс. А если я начну собой любоваться и быть от себя в восторге, это — конец. Когда достигаешь того, к чему долго стремился, планка уже подскочила на другой уровень.

— **Но в целом опера остается музейным жанром?**

— Да, это так. Все «золотые» оперы были написаны в XIX веке, и с тех пор практически ничего не изменилось. Не думаю, что в XXI веке произойдет какой-то бум. Человечество что-то пытается создать, но то, что пишут, либо очень заумно и антивокально, либо вообще неподобающе. «Пиковая дама» в этом веке не будет написана. Но оперный театр существует, и сегодня он требует большего синтеза с современным театром, кинематографом, живописью. Опера — жанр, который

объединяет все искусства.

— Ваш гастрольный график очень плотный, расписан на несколько лет вперед. Никогда не возникало желания остановиться, залечь на дно, отдохнуть?

— Пока нет, хотя недавно у меня были концерты с выдающимся пианистом Женей Кисиним, и он мне сказал, что в 2009 году выступать не будет. Я подумал, что, с одной стороны, это идея хорошая, а с другой — я просто умру от скуки. Во мне сидит какой-то живчик, который не дает мне успокоиться. Если я нахожусь в одном месте, даже дома, через несколько дней приходит чувство нетерпения, мне хочется «сняться» и бежать куда-нибудь. Без работы я себя не мыслю.

— Отдыхать не умеете?

— Я отдыхаю активно, занимаюсь спортом. Обожаю море, я хороший пловец. На водных лыжах недавно начал кататься, но сразу же потянул ногу и побаиваюсь теперь. В январе уеду в отпуск во Флориду, где буду дальше осваивать лыжи.

— Вас никогда не мучили профессиональные кошмары: вдруг я не смогу больше петь? Что тогда?

— Если я не смогу петь в опере, буду петь песни, ведь сейчас для того, чтобы петь песни, голос не нужен. Можно в кино сниматься или преподавать.

— А пока для преподавания еще не созрели?

— Я даю мастер-классы, но редко. Чтобы кого-то учить, этим надо заниматься планомерно, каждый день, у меня же такой возможности нет.

— Ваша супруга Флоранс уже снялась в кино, в сериале «Тяжелый песок», это ее дебют?

— Да. Но посмотрите на Флоранс — разве она не киноактриса? Она очень красивая и, по моим ощущениям, очень органичная. С Дмитрием Барщевским (генеральный продюсер «Тяжелого песка». — «Профиль») мы дружим семьями. У Дмитрия снимаются все его знакомые, он верит не в перевоплощение, а в колоритные типажи, поэтому Флора его и заинтересовала.

— Вам тогда сам Бог велел сниматься у Барщевского, куда уж колоритней! Не предлагал?

— Предлагал, но я не смог участвовать в этом проекте по ряду причин. А вообще, что касается кино, мне и хочется, и колется. Сейчас все снимаются, всем вроде как можно, и я в родственной профессии, но пока не решился.

— А что должно произойти, чтобы вы спели в Большом театре?

— Посмотрим, когда его достроят. Хотелось бы спеть. Раньше не было тяги, а сейчас я созрел. Я думаю, в Большом театре произойдут перемены. Это будет театр более высокого уровня. Москва достойна того, чтобы Большой встал вровень с величайшими оперными театрами мира. Труппа, сидящая десятилетиями на окладе, это, конечно, хорошо, но должен происходить и культурный обмен. Для меня театр в идеале — это оркестр, хор, определенная труппа контрактников и

приглашенные звезды. Режиссер и дирижер также приглашенные. На таких условиях я бы хотел работать, а в труппу — нет, вообще не хочется. На заре своей карьеры, будучи еще студентом, я проработал около трех лет в труппе Красноярского театра оперы и балета и больше не хочу.

— **Интриги?**

— А какой театр без интриг? Но мне повезло. Я был самым молодым в труппе, в основном меня все любили и воспитывали по молодости лет. Конечно, были люди, которые завидовали и не пускали, но мне это только на пользу пошло.

— **А вы ревнивы к чужому успеху?**

— Объективно ревнив. Кто лучше или хуже, сказать трудно. Искусство субъективно, как говорится, на вкус и цвет... Одним нравится одно, другим — другое. Так что места всем хватает, мир большой. Каждый человек может и должен занять свою нишу в меру способностей и таланта. Есть еще и географические интересы, которые заставляют тебя жить по определенному принципу.

— **Если говорить абстрактно, не привязываясь к вокальным данным, чтобы вам очень хотелось исполнить?**

— Наверное, я бы хотел спеть «Бориса Годунова», может, когда-нибудь и спою, например в кино, все может быть...

— **По оценке журнала People, вы — один из 50 самых красивых людей мира. В кино вы пока не решаетесь, а в рекламе предлагали сниматься?**

— Предлагали, но я отказываюсь. Не принципиально, а просто не нравилось то, что предлагали. Если понравится, то почему бы и нет. n

16 декабря в Кремлевском дворце состоится четвертый концерт из цикла «Дмитрий Хворостовский & friends». Выдающийся баритон представит московской публике мировую звезду оперной сцены Йонаса Кауфмана. О кризисе, музыке и кино «Профиль» побеседовал с Дмитрием Хворостовским накануне концерта. —

Дмитрий, злободневный вопрос: финансовый кризис вас затронул?

— Нет. Только один концерт отменился. Зарплаты у меня нет, я свободный художник, живу на гонорары.

— **А бизнеса у вас никакого нет?**

— Нет, я — артист и больше ничего не умею. Самые лучшие финансовые вложения — это вложения в недвижимость, она у меня есть.

— Вы неоднократно заявляли, что сцену лучше ни с кем не делить, и тем не менее создали цикл «Дмитрий Хворостовский & friends»...

— Ради такой идеи — пригласить в Россию моих великих оперных коллег, с которыми я работал и работаю, — можно сцену и поделить. 16 декабря я представлю московской публике немецкого тенора Йонаса Кауфмана. Вместе с Йонасом и Анной Нетребко мы пели «Травиату» в Ковент-Гардене. У Йонаса уникальный по красоте и тембру тенор — яркий, объемный, темного цвета, по

звучанию он походит на баритон. Йонас и сам красивый парень, великолепный актер и потрясающий музыкант, человек необычайной скромности и высокого интеллекта. Он очень хорошо поет на итальянском языке, что редкость для певца немецкого происхождения.

— **Какие произведения вы представите московской публике?**

— Программа у нас еще в обсуждении, но я хотел бы показать большие оперные куски из «Дон Карлоса» и «Силы судьбы» Джузеппе Верди, «Искателей жемчуга» Жоржа Бизе. Чтобы все эти сцены получились, мы хотим привлечь и других певцов — должно быть очень интересно.

— **На какой сцене петь, что петь и с кем, решаете вы и только вы?**

— Каким бы ни было продюсерское давление, в конечном счете выбираю я. Жесткие контракты я никогда не заключаю.

— **О такой независимости мечтает любой творец... Что для этого нужно?**

— Талант, знаете ли, батенька (смеется). Настоящий талант не требует локтей, находится много людей, которые ему помогают. Я пришел на мировую оперную сцену практически из ниоткуда — из Красноярска. Победил на одном конкурсе, потом на другом, пока не проснулся знаменитым после победы в телевизионном конкурсе Би-би-си «Певец мира» в Кардиффе. Буквально на следующий день я подписал контракт с Philips classics, и с тех пор они меня поддерживали и помогали во всем, выпустили более 20 моих альбомов, включающих как сольные программы, так и арии из опер. Вся моя жизнь протекает таким образом благодаря людям, которые меня окружают, и эти люди мне преданны, я их люблю и уважаю.

— **Насколько драматический талант важен для оперного певца?**

— Конечно, очень важен. В последнее время тенденция такова: люди устали просто слушать красивое пение. Им хочется увидеть актеров, которые умеют петь и к тому же прилично играют роль, что, в принципе, большая редкость. Оперное пение предполагает определенную статичность в связи с репертуаром. Если актера подвесить вверх ногами или он будет все время метаться по сцене, собьется дыхание, хотя бывают и такие режиссерские «находки». Но главное актерство заключается в другом. Лучано Паваротти был толстый и смешной, но когда он пел, люди забывали о его внешности, они были поражены его голосом и его проживанием роли.

— **Кризис среднего возраста вы на себе ощущаете?**

— Он у меня уже прошел. Или этот кризис совпал у меня с другими кризисами, или он у меня с рождения, поэтому ничего нового средний возраст для меня не открыл. Я чувствую себя моложе, чем в 20 лет, у меня больше энергии, я физически сильнее, я счастливее, я больше знаю и лучше понимаю жизнь, мне легче живется. А самообразованием и философствованием я занимаюсь регулярно с тех пор, как себя помню.

— **Вы собой не довольны?**

— Нет, потому что я реально оцениваю свои возможности и свое место в жизни. Мое недовольство рождает определенный прогресс. А если я начну собой любоваться и быть от себя в восторге, это — конец. Когда достигаешь того, к чему долго стремился, планка уже подскочила на другой уровень.

— Но в целом опера остается музейным жанром?

— Да, это так. Все «золотые» оперы были написаны в XIX веке, и с тех пор практически ничего не изменилось. Не думаю, что в XXI веке произойдет какой-то бум. Человечество что-то пытается создать, но то, что пишут, либо очень заумно и антивокально, либо вообще неподобающе. «Пиковая дама» в этом веке не будет написана. Но оперный театр существует, и сегодня он требует большего синтеза с современным театром, кинематографом, живописью. Опера — жанр, который объединяет все искусства.

— Ваш гастрольный график очень плотный, расписан на несколько лет вперед. Никогда не возникало желания остановиться, залечь на дно, отдохнуть?

— Пока нет, хотя недавно у меня были концерты с выдающимся пианистом Женей Кисиним, и он мне сказал, что в 2009 году выступать не будет. Я подумал, что, с одной стороны, это идея хорошая, а с другой — я просто умру от скуки. Во мне сидит какой-то живчик, который не дает мне успокоиться. Если я нахожусь в одном месте, даже дома, через несколько дней приходит чувство нетерпения, мне хочется «сняться» и бежать куда-нибудь. Без работы я себя не мыслю.

— Отдыхать не умеете?

— Я отдыхаю активно, занимаюсь спортом. Обожаю море, я хороший пловец. На водных лыжах недавно начал кататься, но сразу же потянул ногу и побаиваюсь теперь. В январе уеду в отпуск во Флориду, где буду дальше осваивать лыжи.

— Вас никогда не мучили профессиональные кошмары: вдруг я не смогу больше петь? Что тогда?

— Если я не смогу петь в опере, буду петь песни, ведь сейчас для того, чтобы петь песни, голос не нужен. Можно в кино сниматься или преподавать.

— А пока для преподавания еще не созрели?

— Я даю мастер-классы, но редко. Чтобы кого-то учить, этим надо заниматься планомерно, каждый день, у меня же такой возможности нет.

— Ваша супруга Флоранс уже снялась в кино, в сериале «Тяжелый песок», это ее дебют?

— Да. Но посмотрите на Флоранс — разве она не киноактриса? Она очень красивая и, по моим ощущениям, очень органичная. С Дмитрием Барщевским (генеральный продюсер «Тяжелого песка». — «Профиль») мы дружим семьями. У Дмитрия снимаются все его знакомые, он верит не в перевоплощение, а в колоритные типажи, поэтому Флора его и заинтересовала.

— Вам тогда сам Бог велел сниматься у Барщевского, куда уж колоритней! Не

предлагал?

— Предлагал, но я не смог участвовать в этом проекте по ряду причин. А вообще, что касается кино, мне и хочется, и колется. Сейчас все снимаются, всем вроде как можно, и я в родственной профессии, но пока не решился.

— А что должно произойти, чтобы вы спели в Большом театре?

— Посмотрим, когда его достроят. Хотелось бы спеть. Раньше не было тяги, а сейчас я созрел. Я думаю, в Большом театре произойдут перемены. Это будет театр более высокого уровня. Москва достойна того, чтобы Большой встал вровень с величайшими оперными театрами мира. Труппа, сидящая десятилетиями на окладе, это, конечно, хорошо, но должен происходить и культурный обмен. Для меня театр в идеале — это оркестр, хор, определенная труппа контрактников и приглашенные звезды. Режиссер и дирижер также приглашенные. На таких условиях я бы хотел работать, а в труппу — нет, вообще не хочется. На заре своей карьеры, будучи еще студентом, я проработал около трех лет в труппе Красноярского театра оперы и балета и больше не хочу.

— Интриги?

— А какой театр без интриг? Но мне повезло. Я был самым молодым в труппе, в основном меня все любили и воспитывали по молодости лет. Конечно, были люди, которые завидовали и не пускали, но мне это только на пользу пошло.

— А вы ревнивы к чужому успеху?

— Объективно ревнив. Кто лучше или хуже, сказать трудно. Искусство субъективно, как говорится, на вкус и цвет... Одним нравится одно, другим — другое. Так что места всем хватает, мир большой. Каждый человек может и должен занять свою нишу в меру способностей и таланта. Есть еще и географические интересы, которые заставляют тебя жить по определенному принципу.

— Если говорить абстрактно, не привязываясь к вокальным данным, чтобы вам очень хотелось исполнить?

— Наверное, я бы хотел спеть «Бориса Годунова», может, когда-нибудь и спою, например в кино, все может быть...

— По оценке журнала People, вы — один из 50 самых красивых людей мира. В кино вы пока не решаетесь, а в рекламе предлагали сниматься?

— Предлагали, но я отказываюсь. Не принципиально, а просто не нравилось то, что предлагали. Если понравится, то почему бы и нет.